

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673022030063

Дипломатия США в эпоху больших данных: новые цели, новые возможности

Н.М. Кузнецов

*Санкт-Петербургский государственный университет
Российская Федерация 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3
ORCID: 0000-0001-9196-9578 e-mail: nmkuznetsov@list.ru*

Резюме: Автор констатирует развитие нового феномена международных отношений, который напрямую связан с внешнеполитической деятельностью государств на всех уровнях: от консульской службы до публичной дипломатии. Этот феномен, не имеющий единого понятийного аппарата, является коллаборацией науки о данных (*data science*) и международных отношений. Дипломатия данных (*data diplomacy*) включает в себя использование искусственного интеллекта (ИИ), аналитики больших данных (*big data*) и иных технологических новинок для проектирования влияния на зарубежную аудиторию, блокировки неугодной информации в интернет-сети и решения иных внешнеполитических задач. В данной статье представлен комплексный анализ современной дипломатии данных США. Выявляются политический и научный дискурсы о ее целях и возможностях, дается краткая характеристика «дата-дипломатов», которых уже готовят ведущие американские университеты, а также выявляются методы, проекты и перспективы развития дипломатии данных на примере её российского направления. Рассматривается дальнейшее развитие дипломатии данных как аналитического трека внешней политики, способного контролировать эффективность цифровой дипломатии США и сдерживать информационное влияние стран-оппонентов.

Ключевые слова. США, дипломатия данных, большие данные, цифровая дипломатия, публичная дипломатия, каналы иновещания, пропаганда

Для цитирования: Кузнецов Н.М. Дипломатия США в эпоху больших данных: новые цели, новые возможности. *США & Канада: экономика, политика, культура* 2022; 52(3):98-111. DOI: 10.31857/S2686673022030063

U.S. Diplomacy in the Era of Big Data: New Goals and Opportunities

Nikita M. Kuznetsov

*Saint Petersburg State University,
Russian Federation 191060, St. Petersburg, st. Smolny, 1/3
ORCID: 0000-0001-9196-9578 e-mail: nmkuznetsov@list.ru*

Abstract. The new phenomenon of International Relations which is directly related to the foreign policy of the state at all levels, from the consular service to public diplomacy, was called by western experts as Data Diplomacy or Data-Driven Diplomacy. Experts emphasized that the collaboration between Data Science and Foreign Policy will soon become the basis of Global Politics. Data diplomacy includes the development and integration of Artificial Intelli-

gence (AI), Big Data analytics and other technological innovations to design its influence on foreign audiences, block objectionable information on the Internet and solve other foreign policy problems. This article provides a comprehensive analysis of U.S. Data Diplomacy. We reveal political and scientific discourses about goals and opportunities of Data Diplomacy, give a brief description of the Data-diplomats who are already being educated by leading American universities, and identify methods, projects and prospects for the development of Data Diplomacy using the example of its Russian direction. The further development of Data Diplomacy has stated as a constantly evolving analytical track of foreign policy, capable of controlling the effectiveness of U.S. Digital Diplomacy and restraining the information influence of opponent countries.

Keywords. USA, data diplomacy, big data, digital diplomacy, public diplomacy, international broadcasting channels, propaganda

For citation: Kuznetsov N.M. U.S. Diplomacy in the Big Data Era: New Goals and Opportunities. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (3):98-111.

DOI: 10.31857/S2686673022030063

ВВЕДЕНИЕ

Воздействие искусственного интеллекта (ИИ) на экономику, национальную безопасность и внешнеполитическую мощь государств изменило образ цифровой дипломатии как «дипломатии социальных сетей». Интеграция новых технологий в международные отношения эксперты называют стратегическим активом, который увеличивает эффективность внешней политики и приводит к реформированию дипломатии в глобальном масштабе [Collins N., Bekenova K. 2019:3; Bargaonu A., Cheregi B.F. 2021:122].

Важный этап цифровизации международных отношений произошёл в 2020 г., когда мир охватила пандемия COVID-19, и интернет-платформы стали единственной возможностью для внешнеполитического влияния государств [Sharma A., Sisodia V. 2021]. Именно «онлайн» проходили двусторонние встречи мировых лидеров, саммиты Группа семи (G7) и Группа двадцати (G20), климатический форум и многие другие международные события. Новые реалии доказали влияние цифровизации не только на деятельность, направленную на публичную дипломатию, но и на глобальную дипломатическую деятельность, которая все больше приобретает количественное измерение и может быть подвергнута статистической обработке. Вопросы кибербезопасности и киберсдерживания, цифровые информационные кампании и использование искусственного интеллекта стали неотъемлемой частью мировой политики [Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. 2020: 40].

Предпринимаемые Соединёнными Штатами Америки попытки использовать ИИ в практике дипломатической службы, прогнозировать эффективность своего влияния в киберпространстве, использовать методы обработки непрерывно увеличивающихся объемов информации об интернет-активности пользователей социальных сетей (*big data*), а также проводить мониторинг информационной деятельности стран-оппонентов (в первую очередь – России, Китая и

Ирана) дало начало дискурса о новом направлении американской внешней политики – дипломатии данных (*data diplomacy*). На протяжении последнего десятилетия происходило поэтапное формирование данного механизма. Реализация дипломатии данных начиналась с аналитической деятельности сотрудников контртеррористического отдела Госдепартамента США и эволюционировала до межведомственной работы всего американского правительства [1].

Цель статьи – выявить основные направления политического и академического дискурсов о дипломатии данных США. Эмпирическую часть исследования составит анализ направлений дипломатии данных в информационном влиянии США на постсоветском пространстве. В качестве методов исследования были использованы документальный и дискурсивный анализы, а также количественные и качественный методы обработки интернет-ресурсов.

ОТ ДИПЛОМАТИИ К ДИПЛОМАТИИ ДАННЫХ?

Академический дискурс о дипломатии данных как самостоятельном направлении внешней политики государства зародился в США в 2014–2015 гг. «Большие данные» характеризовались как неопределимый ресурс современной публичной дипломатии, а концепт дипломатии данных – коллаборацией науки о данных, социологии и межгосударственных отношений [Dye T. 2015:19].

Одной из проблем международных дискуссий о дипломатии данных является отсутствие единого понятийного аппарата. Так, некоторые авторы пишут о «диджитализации» публичной дипломатии и применении машинных методов для её изучения, не разделяя цифровую дипломатию и дипломатию данных на самостоятельные сферы [Sytnik A. 2019:190]. Другие эксперты уверены, что цифровая дипломатия и дипломатия данных – это эволюционные этапы в развитии публичной дипломатии, связанные с ней, но имеющие ряд характеристик, позволяющих рассматривать их с точки зрения самостоятельных феноменов [Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. 2020:29]. Аналитика данных используется в исследованиях о концепции «острой силы» (*sharp power*), в которых авторы пытаются выявить информационную активность интернет-троллей и ботов зарубежных стран [Hanouna S., Neu O., Pardo S., Tsur O., Zahavi H. 2019: 99]. В иных работах авторы пишут о дипломатии данных в рамках таких терминов, как «научная дипломатия», «кибер-дипломатия», «публичная цифровая дипломатия», «дипломатия искусственного интеллекта» и т.д. [Spry D. 2018:63; Wernli D., Chopard B., Levrat N. 2021:42]. Это подчёркивает наличие разных подходов к осмыслению феномена дипломатии данных на современном этапе. Похожие аналогии можно найти в академическом дискурсе 2008–2018 гг., когда некоторые авторы ставили знак равенства между понятиями «мягкая сила» и публичная дипломатия. Однако появление новых концепций и стратегий внешнеполитического влияния («умной силы» и «острой силы», стратегической коммуникации и т.д.) сделали дальнейшее приравнивание данных понятий невозможными.

Наше исследование показывает, что дипломатия данных США на практике демонстрирует обособленное направление внешней политики, связанное с анализом цифровых данных о зарубежных интернет-пользователях ради повышения эффективности проектов внешнеполитической пропаганды, борьбы с информационным доминированием стран-оппонентов и реализации иных задач дипломатической и консульской службы. Дата-дипломатия играет важную аналитическую функцию, позволяющую США выявлять наиболее сильные и слабые места своей публичной / цифровой дипломатии, а также осознавать все масштабы информационного воздействия оппонентов. В связи с этим дипломатия данных США не может быть приравнена к публичной дипломатии ввиду разных целей, задач и методологии. Публичная дипломатия (или, согласно официальным документам США, стратегическая коммуникация) является эвфемизмом для обозначения пропаганды [Cull N. 2008:150], в то время как дипломатия данных – это деятельность государства – адресата пропаганды по работе с её реализацией и оценкой эффективности.

Развитие официально именуемой в США дипломатии, основанной на данных (*data-informed diplomacy*), началось после того, как американский политический истеблишмент осознал исчезновение единоличной монополии своей страны над информационным доминированием в мире [2]. Причиной этому стала масштабная информационная деятельность американских стратегических оппонентов, в частности Ирана, Китая и России. В 2021 г. США выпустили «Ведомственную стратегию по данным» (*Enterprise Data Strategy*), закрепляющую дипломатию данных как самостоятельное направление внешней политики [3]. Документ характеризует аналитику данных новым инструментом американской дипломатической практики. Акцент на развитие компетенций предполагает, что работа с данными будет внедрена в деятельность самых разных подразделений внешнеполитического механизма США. Понимание культуры данных (*data culture*), задачи по повышению грамотности в области использования больших данных, наём ИТ-специалистов, стратегическое сдерживание информационно-аналитической деятельности оппонентов, снабжение американских дата-дипломатов новейшими технологиями по обработке цифровой информации – все это новые тенденции американской внешней политики.

Межведомственная работа в области дипломатии данных реализуется в рамках системы координации и регулирования. К 2021 г. Центр стратегических антитеррористических коммуникаций, небольшой отдел, созданный ещё президентом Бараком Обамой для продвижения антитеррористического пропагандистского нарратива в социальных сетях, стал основным институтом американской дата-дипломатии под названием Центр глобального взаимодействия (*Global Engagement Center*). Функции центра включают в себя внедрение новых технологий во внешнеполитическую деятельность США, исследование цифровых данных интернет-пользователей из числа зарубежных стран, а также работу с исходящей из Китая, России и других стран информацией. Благодаря сторонникам развития публичной дипломатии в американском Конгрессе, центр стал полу-

чать по-настоящему щедрое финансирование – 130 млн долл. ежегодно. Специалисты межведомственной Комиссии США по публичной дипломатии даже рекомендуют реформировать Центр глобального взаимодействия в самостоятельное бюро [4]. Другим важным отделом Госдепартамента по развитию дипломатии данных стал созданный в 2020 г. Центр аналитики (*Center for Analytics*), специалисты которого разрабатывают программы по обучению более 75 тыс. американских дипломатов навыкам обработки больших данных для решения государственных задач [5]. Институты «мягкой силы» и общественные организации – Фонд открытых технологий (*Open Technology Fund*) и Независимый фонд общественных СМИ (*International Fund for Public Interest Media*) в последние годы сфокусированы на исследованиях цифровых данных в зарубежных странах [McFaul M. 2021]. Кроме того, каналы зарубежного вещания (*international broadcasting channels*), образовательные и культурные проекты должны использовать аналитику больших данных для наибольшего воздействия на зарубежную аудиторию.

Таким образом, несмотря на различия в дискурсах о дипломатии данных в современном научном сообществе, наблюдается единая позиция экспертов по вопросу новых методологических и теоретических форм внешнеполитического влияния государства в связи с ролью ИИ и новых технологий. На практике, США уже активно используют данные тенденции для реализации своих внешнеполитических целей.

ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В США

В настоящее время изучение науки о данных стало неотъемлемой частью подготовки студентов-гуманитариев в США. Нами были изучены программы высшего образования пяти наиболее престижных университетов Соединённых Штатов по версии Центра мирового рейтинга университетов (*The Center for World University Rankings*, а именно: Гарвардского университета, Массачусетского технологического института, Стэнфордского, Колумбийского и Принстонского университетов [6]. Анализ демонстрирует, что в 2018–2019 гг. наука о данных и специализированные дисциплины в области методологии изучения больших данных студентами-гуманитариями стали важной частью высшего образования в Соединённых Штатах.

В этой области лидирует Гарвардский университет. Обучение политической науке, государственному управлению, международному праву и регионоведению (африканистике, востоковедению, европейским и славянским исследованиям) ведётся на трёх факультетах университета: факультета искусств и наук, Школы права и Школы управления им. Дж. Кеннеди. Специализированные курсы по работе с большими данными и новыми медиа в сфере политики предлагаются именно специалистами Школы управления.

Факультет предоставляет сразу 14 курсов, напрямую связанных с изучением больших данных во внутренней и внешней политике. Среди программ, пред-

ставленных бакалаврам, магистрантам и аспирантам факультета, есть «Наука о данных в политике», «Программирование и данные в процессе принятия политических решений», «Кибербезопасность» и т.д. Ещё ряд курсов – «Технические проблемы публичной политики», «Политический анализ и коммуникации» и т.д. затрагивают проблемы цифровизации, концепции «сил» и политической коммуникации в интернет-сети. Дебора Халлетт, автор курса «Политика: о чём нам говорят данные?» утверждает, что большие данные и ИИ уже изменили современную политику и даже базовые знания в области математического анализа помогают принимать государственные решения на основе данных. Доктор Халлетт утверждает, что анализ данных позволяет «вести таргетинг избирателей, делать прогнозы результатов выборов и понять важные политические решения, принимаемые государственными чиновниками», как раз то, что необходимо знать молодому дипломату и политологу [Hallett D., 2020]. Интересно обратить внимание на исследовательский проект Школы им. Дж. Кеннеди «Будущее дипломатии» (*Future of Diplomacy*), который направлен на интеграцию факультета в реальный процесс принятия политических решений в стране и подготовку специалистов для американской внешнеполитической деятельности [7]. В 2020 г. руководитель центра Кэтрин Эшбрук опубликовала статью «От цифровой дипломатии к дипломатии данных», в которой обозначила цели и задачи американской дипломатии данных. Так, в качестве главных вызовов безопасности США и Европейского Союза, политолог выделяет «растущую кибермощь» Москвы и «цифровой колониализм» Пекина. Для того чтобы справиться с данными угрозами, она предлагает всему западному сообществу совместные шаги по развитию дипломатии данных. В первую очередь, речь идёт о создании общегосударственной архитектуры коллекционирования больших данных и межведомственного обмена ими. Во-вторых, говорится о сотрудничестве высших учебных заведений Европы и США для подготовки дата-специалистов, а также о проведении активной политики привлечения лучших умов в области ИИ на «свою» сторону для противодействия цифровой дипломатии оппонентов. «В эпоху цифровых технологий необходима новая культура техноталантливых людей для государственной службы», – констатирует автор [Ashbrock C., 2020].

Интерес академического сообщества к изучению больших данных в гуманитарном образовании обоснован реалиями современной глобальной политики США, закреплённой в американской стратегии по данным. Центр карьеры Госдепартамента находится в постоянном поиске новых сотрудников из числа молодых политологов и IT-специалистов, владеющих навыками работы с цифровыми данными, а это указано в перечне необходимых компетенций будущих американских дипломатов [8].

«РУССКИЙ МИР» И ДИПЛОМАТИЯ ДАННЫХ США

Как полагают эксперты, президент Джозеф Байден остановит стагнацию в развитии стратегических коммуникаций США, наступившую при его предше-

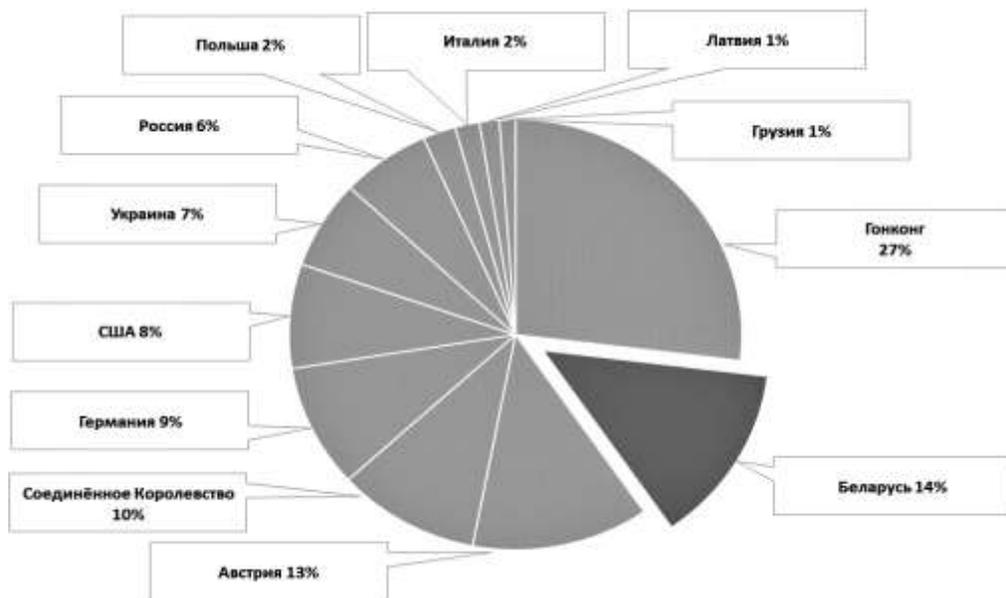
ственнике Дональде Трампе [Rugh, Shapiro, 2020]. Об этом говорят такие факторы, как подготовка «Ведомственной стратегии по данным», обозначение внешнеполитических приоритетов США в одном из своих первых официальных выступлений, отсутствие кадровых проблем в системе управления публичной дипломатией, привлечение известных специалистов по коммуникациям на распределение 1,5 млрд долл. для финансирования программ внешнеполитического влияния и обсуждение проблем киберпространства в повестку дня российско-американских отношений. Внесение Россией и США совместной резолюции об ответственном поведении государств в киберпространстве на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН и вовсе может считаться прорывным шагом, о котором мечтают «ангикитайски» настроенные американские политологи, заявляющие о необходимости совместного противостояния Вашингтона и Москвы против Пекина [Kurchan 2021]. Несмотря на тот факт, что именно Китай является приоритетным направлением американской дипломатии данных, Россия продолжает занимать особое место во внешней политике США [Yujun 2019: 423]. Активное участие Москвы в мировых процессах, ее эффективная публичная дипломатия, лидерство по контролю и распространению русскоязычной информации в мире и цифровые кампании в интернет-сети заставляют США предпринимать всевозможные меры для ответного противостояния [9].

Мониторинг социальных сетей, взаимодействие с ключевыми блогерами и журналистами, формирование стратегий цифровой дипломатии и проектирование информационных кампаний в социальных медиа стали главным треком политики США в отношении аудитории Восточной Европы, Балканских стран и постсоветского региона и обозначены в качестве основных инструментов сдерживания России [10]. Развитие методов обработки больших данных является императивом дипломатии данных. Аналитика позволяет выявить расстановку политических сил в социальных сетях, целевую аудиторию информационного месседжа, лидеров мнений и т.д. [Jacobson, Hone, Kurbalija, 2018: 20]. Например, аналитика позволяет установить влияние цифровой дипломатии США на развитие политического кризиса в Республике Беларусь. Дж. Байден поддержал массовые протесты белорусов, требующих уйти в отставку победившего на президентских выборах Александра Лукашенко, и даже провёл встречу с лидером оппозиции Светланой Тихановской. Однако массовая информационная кампания США и стран Евросоюза против белорусского режима не достигла значительных результатов. Проведённый нами количественный анализ постов с хэштегом *#StandwithBelarus* на платформе *Twitter* (110 148 уникальных твитов с 21 января (день инаугурации Дж. Байдена) по 27 марта 2021 г. (день массовых акций протеста) демонстрирует, что 86% публикаций было сделано пользователями, находящимися не на территории Белоруссии (всего 14%), а в США (8%), на Украине (7%), в Евросоюзе (38%) и других странах. Ещё одним интересным фактом стала феноменальная активность интернет-аккаунтов, территориально находящихся в Гонконге (целых 27% публикаций), что, несомненно, требует дополнительного анализа в контексте популяризации западной концепции

«острой силы» [Nye 2018]. При этом активность стран Прибалтики, которых обвиняли в прямом вмешательстве в кризис, насчитывала лишь 1% (около 1 тыс.) публикаций со стороны латвийских интернет-пользователей (см. рис. 1).

Рисунок 1

Территориальное распределение публикаций (в процентном эквиваленте) с хэштегом #StandwithBelarus, январь-март 2021 г.



Составлено автором на основе проведённого анализа

Стоит подчеркнуть, что продвигаемый оппозицией и западными странами хэштег #StandwithBelarus стал негласным лозунгом белорусского протеста в интернет-сети. Общий охват информационной кампании только за анализируемый период достиг 800 млн пользователей. Данные результаты ещё раз доказывают тот факт, что анализ данных способен дать чёткое представление о цифровой дипломатии и информационном влиянии государств в интернет-сети.

При этом борьба США с российским влиянием невозможна без двух важных компонентов: эффективной пропаганды и чёткого понимания каналов и методов информационного воздействия Москвы. Анализ публичной дипломатии России выполняет специальная команда Центра глобального взаимодействия (GEC Russia Team), в 2020 г. выпустившая аналитический отчёт о стратегических коммуникациях и «пагубном влиянии» (*malign influence*) России [11]. Распространением пропаганды, по большей части, занимается Агентство США по глобальным медиа (*U.S. Agency for Global Media*) – ведомство, отвечающее за каналы международного вещания США. Барак Обама реформировал агентство и упразднил двухпартийный совет его управления, передав возможность выбирать главу ве-

ние проамериканской информации может стать задачей поисковых алгоритмов крупнейших мировых поисковых систем, к чему активно призывают американские эксперты, наиболее приближенные к Белому дому. Так, экс-посол США в России (а ныне неофициальный советник Дж. Байдена) Майкл Макфол считает, что поисковые алгоритмы должны буквально «заглушать» информацию, исходящую из российских СМИ, заменяя её на аналогичные новости от западных изданий [13].

Наконец, по рекомендациям экспертов новые технологии вводятся в деятельность институтов «мягкой силы» США [Dobriansky 2021]. Американские культурные центры, функционирующие при посольствах США в 150 странах мира, стали задействовать новые медиа для создания и продвижения уникального для каждой площадки контента (короткометражные фильмы, онлайн-курсы, трансляции, вебинары и т.д.). Например, Американский центр в Москве, помимо официального сайта, имеет собственные аккаунты в социальных сетях «Фейсбук» (*Facebook*), «ВКонтакте», «Инстаграм» (*Instagram*) и видеохостинге «Ютуб» (*YouTube*). Американские уголки в казахских городах (в Нур-Султане, Алматы, Актобе, Караганде, Костанайе, Павлодаре, Петропавловске, Уральске, Усть-Каменогорске, Шымкенте) имеют индивидуальные страницы в социальной сети «Фейсбук» для анонсов предстоящих мероприятий, публикации видеозаписей и фотоотчётов. Кроме того, американские центры в Казахстане создали собственную онлайн-библиотеку с хранилищами аудио- и видеоматериалов о культуре и государственном устройстве США. В августе 2020 г. стало известно, что Госдепартамент США планирует выделить 30 грантов размером до 50 тыс. долл. на дальнейшее развитие своих «уголков» в Казахстане [14]. Стоит отметить, что американские культурные центры работают на всём евразийском пространстве: в Киргизии функционируют семь «уголков», в Армении – пять, в Узбекистане – Американский культурный центр в Ташкенте и «Окно в Америку» при Национальной Библиотеке Узбекистана им. А. Навои и т.д. Создание облачных хранилищ для обмена данными между гостями американских центров, подготовка онлайн-курсов по политологии и многие другие технологические новшества могут стать новыми направлениями американских институтов «мягкой силы».

Несмотря на то, что основной упор публичной и дата-дипломатии США последних лет сфокусирован на противостоянии информационному влиянию Китая, постсоветское пространство остаётся важным направлением американской внешней политики. Наблюдается небывалый прирост потребителей американского информационного контента на просторах Евразии. В 2021 г. суммарное число подписчиков всех русскоязычных проектов международного вещания США в социальных сетях впервые достигло 10 млн. При этом российская аудитория международного вещания США стала оцениваться американскими экспертами в 8 млн человек (около 6% населения страны), что в разы превышает показатели 2013–2014 гг., когда только 0,1–0,3% россиян были подвержены американскому информационному влиянию [15]. Следствием таких показателей

стала цифровизация американской информации, аналитика «больших данных» для создания эффективного контента и задействование новых технологий для её распространения.

При этом эксперты призывают Дж. Байдена провести не просто реформы, а «радикальную революцию» в области стратегических коммуникаций США. «Культурный сдвиг» в работе Госдепартамента, суть которого заключается в том, чтобы уделять основное внимание общению с зарубежной аудиторией, а не «писать дежурные телеграммы», создавать чёткий идеологический месседж, увеличивать финансирование американских каналов инновационного вещания и отделять их от Агентства по глобальным медиа, обеспечивать грантовую поддержку и развивать Фонд открытых технологий, журналистские профсоюзы и другие институты «мягкой силы». Все эти изменения призваны создать фундамент внешней политики США. Фактически, эксперты призывают администрацию Дж. Байдена не просто усилить публичную дипломатию США, а изменить постулаты реализации традиционной американской дипломатии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая революция коренным образом изменила внешнюю политику мировых государств. Новаторство США в этой сфере подвергается сомнениям экспертного сообщества, призывающего Белый дом вести ещё более активную политику по данному направлению. Речь идёт о полноценной интеграции больших данных во внешнеполитический механизм, о развитии фондов изучения интернет-пользователей мировых государств и акценте на «цифровом общении» с зарубежной аудиторией как на главной задаче американского дипломата.

Внедрение технологий в дипломатию США стало основой для создания нового механизма регулирования и воспроизведения внешнеполитического влияния – дипломатии данных. Аналитика больших данных о зарубежной аудитории, развитие искусственного интеллекта, задействование интернет-троллей и чат-ботов, подготовка «дата-дипломатов» и коалиционные программы кибербезопасности со всем западным сообществом – новая тенденция американской внешней политики. Уже сейчас подобные нововведения помогают США достигать значительных результатов. Американские специалисты успешно работают в сфере развития искусственного интеллекта как для анализа зарубежной аудитории ради собственных проектов публичной дипломатии, так и для информационного противоборства с публичной дипломатией Китая, России и других конкурирующих стран.

Наш анализ демонстрирует, что дипломатия данных может считаться не просто новым направлением внешней политики, а сложным процессом «дата-фикации» всей американской дипломатии. Коллаборация новых технологий, аналитики цифровых данных, киберстратегий и дипломатической службы является главными доказательствами данного явления. Поэтому стоит отметить

необходимость дальнейшего изучения дипломатии данных, её методов, проектов и роли во внешней политике США.

ИСТОЧНИКИ

1. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2019 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. Available at: <https://www.state.gov/2019-comprehensive-annual-report-on-public-diplomacy-and-international-broadcasting/> (accessed: 18.10.2021).
2. U.S. Department of State. Can Public Diplomacy Survive the Internet? Available at: <https://www.state.gov/documents/organization/271028.pdf> (accessed: 18.10.2021).
3. U.S. Strategy on Data Informed Diplomacy. Enterprise Data Strategy Empowering Data Informed Diplomacy. 2021. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/09/Reference-EDS-Accessible.pdf> (accessed: 18.10.2021).
4. U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy. 2020 Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy and International Broadcasting. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2021/02/ACPD_2020Report_FINAL_DIGITAL_508.pdf (accessed: 18.10.2021).
5. U.S. Department of State. Office of Management Strategy and Solutions. Available at: <https://www.state.gov/about-us-office-of-management-strategy-and-solutions/> (accessed: 18.10.2021).
6. List by the Center for World University Rankings. Available at: <https://cwur.org/2021-22.php> (accessed: 18.10.2021).
7. Future of Diplomacy Project. Available at: <https://www.belfercenter.org/project/future-diplomacy-project> (accessed: 18.10.2021).
8. U.S. Department of State. Careers Representing America. Global Engagement Center. Available at: <https://careers.state.gov/dosoffice/global-engagement-center-gec/> (accessed: 18.10.2021).
9. U.S. Congress Inspection of U.S. International Broadcasting to Russia. Available at: <https://oig.state.gov/system/files/217908.pdf> (accessed: 18.10.2021).
10. U.S. Law Countering America's Adversaries through Sanctions Act. 2017. Available at: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-115hr3364enr/html/BILLS-115hr3364enr.htm> (accessed: 18.10.2021).
11. U.S. Global Engagement Center Special Report. 2020. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/08/Pillars-of-Russia's-Disinformation-and-Propaganda-Ecosystem_08-04-20.pdf (accessed: 18.10.2021).
12. USAGM Head Resigns Following Biden Request. Available at: https://www.voanews.com/a/usa_usagm-head-resigns-following-biden-request/6201004.html (accessed: 18.10.2021).
13. McFaul M. Opinion: The Biden administration needs to up its game on public diplomacy. Available at:

<https://www.washingtonpost.com/opinions/2021/10/11/biden-administration-needs-up-its-game-public-diplomacy> (accessed: 18.10.2021).

14. U.S. Embassy in Kazakhstan. Finding opportunities of American corners. 2020. Available at: <https://kz.usembassy.gov/ru/notice-of-funding-opportunity-strategic-programming-at-american-corners-in-kazakhstan-ru/> (accessed: 18.10.2021).

15. U.S. House Committee on Appropriations. Statement by the Director of the U.S. Agency for Global Media. 2019. Available at: <https://appropriations.house.gov/events/hearings/united-states-efforts-to-counter-russian-disinformation-and-malign-influence> (accessed: 18.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике. *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 4. С. 27-44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44

REFERENCES

Ashbrock C.K. From Digital Diplomacy to Data Diplomacy. Harvard Kennedy School. Belfer Center. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/digital-diplomacy-data-diplomacy> (accessed: 18.10.2021).

Bargaoanu A., Cheregi B.F. Artificial Intelligence: The New Tool for Cyber Diplomacy. Artificial Intelligence and Digital Diplomacy. Roumate F. (eds). Springer. 2021. P. 115-130. DOI: 10.1007/978-3-030-68647-5_9

Collins N., Bekenova K. Digital diplomacy: success in your fingers. *Place branding and public diplomacy*. 2019. No. 15. P.1-11. DOI: 10.1057/s41254-017-0087-1

Cull N. 2008. Public Diplomacy before Gullion: The Evolution of a Phrase. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Snow N., Taylor P.M., eds. New York: Routledge. 404 p.

Dobriansky P. J. The soft but unmatched power of US foreign exchange programs. *The Hill*. 2021. Available at: <https://thehill.com/opinion/international/540262-the-soft-but-unmatched-power-of-us-foreign-exchange-programs> (accessed: 18.10.2021).

Dye T. Data Diplomacy. American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. Wash., D.C.: AAAS. 2015. P. 19-20.

Hanouna S., Neu O., Pardo S., Tsur O., Zahavi H. Sharp power in social media: Patterns from datasets across electoral campaigns. *Australian and New Zealand Journal of European Studies*. 2019. No. 3. P.97-113.

Hallett, D.H. Politics and Policies: What Can Data Tell Us? Harvard University. 2020. Available at: <https://www.hks.harvard.edu/courses/politics-and-policies-what-can-data-tell-us> (accessed: 18.10.2021).

Jacobson B., Hone C., Kurbalija J. Data Diplomacy. Updating Diplomacy to the Big Data Era. Geneva: Diplo Foundation. 2018. 70 p.

Kupchan Ch. A. The Right Way to Split China and Russia. *Foreign Affairs*. 2021. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-08-04/right-way-split-china-and-russia> (accessed: 18.10.2021).

McFaul M. How to Contain Putin's Russia? *Foreign Affairs*. 2021. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-01-19/how-contain-putins-russia> (accessed: 18.10.2021).

Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power. *Foreign Affairs*. 2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (accessed: 18.10.2021).

Rugh W., Shapiro Z. Restoring U.S. Public Diplomacy. USC Center on Public Diplomacy. 2020. Available at: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/restoring-us-public-diplomacy> (accessed: 18.10.2021).

Sharma A., Sisodia V. Digital diplomacy and the global pandemic. *Media Asia*. 2021. DOI: 10.1080/01296612.2021.1973324.

Spry D. Facebook diplomacy: a data-driven, user-focused approach to Facebook use by diplomatic missions. *Media International Australia*. 2018. No. 1. P.62-80. DOI: 10.1177%2F1329878X18783029.

Sytnik A. Digitalization of Diplomacy in Global Politics on the Example of 2019 Venezuelan Presidential Crisis. *Communications in Computer and Information Science*. 2019. Vol. 1038. P. 187-196. DOI: 10.1007/978-3-030-37858-5_15.

Tsvetkova N.A. Dealing with a resurgent Russia: Engagement and deterrence in US international broadcasting, 2013–2019. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2020. No. 4. P.435-449. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.403.

Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Phenomenon of Data Diplomacy in World Politics // *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. 2020. No. 4. P. 27–44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44.

Wernli D., Chopard B., Levrat N. When Computational Power Meets Diplomacy: Training a New Generation of Scientists in Diplomacy and Diplomats in Science. *VSH-Bulletin*. 2021. No. 2. P.42-45.

Yujun F. The US – Russia relations since Trump took office and China's policy choices. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2019. No. 4. P.422–434. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2019.402

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КУЗНЕЦОВ Никита Максимович, аспирант кафедры американских исследований, Санкт-Петербургский государственный университет. Российская Федерация 191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3

Nikita M. KUZNETSOV, Ph.D. Student, Department of American Studies, St. Petersburg State University. Russian Federation 191060, St. Petersburg, st. Smolny, 1/3.

Статья поступила в редакцию / Received 8.12.2021.

Статья поступила после рецензирования / Revised 22.12.2021.

Статья принята к публикации / Accepted 23 12.2021.